

ОЛИ ЭШ

Пепел Керчии

Олли Эш
Пепел Керчии

«Автор»

2026

Эш О.

Пепел Керчии / О. Эш — «Автор», 2026

Она — Эния, девушка из цветущей долины Керчии, чья жизнь была соткана из солнечного света, аромата трав и смеха младшей сестры. Он — Варен, младший сын жестокого хана, воин, выросший среди скал и привыкший подчиняться приказу. Их встреча была случайной: он, разведчик, увидел её с холма — плетущую венки, не знающую о надвигающейся беде. А уже на следующий день её мир превратился в пепел. Набег степняков стёр Керчию с лица земли. Эния, чудом оставшаяся в живых, становится игрушкой в руках старшего брата Варена — Рейгана, который ломает её, но сам выбрасывает, как ненужную вещь. Варен подбирает её. Так начинается их мучительный союз в лагере врага: пленница, поклявшаяся выжить и отомстить, и воин, который ненавидит свою жизнь, но не может её изменить. Их связь — это хрупкое перемирие на грани ненависти и нежности.

© Эш О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Разведка	5
Глава 2. Идиллия	8
Глава 3. Сломанная игрушка	11
Глава 4. Жить	14
Глава 5. Выждать	17
Глава 6. Оттепель	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Олли Эш

Пепел Керчии

Глава 1. Разведка

Варен стоял на пригорке и смотрел в долину.

Солнце клонилось к закату, и последние лучи золотили верхушки деревьев, разливаясь по холмам тёплым медовым светом. Внизу, петляя между ивами, текла река — широкая, спокойная, с прозрачной водой, в которой отражалось синее небо. Такой чистой воды Варен не видел никогда.

За его спиной, в седлах, переминались двое воинов — Улер и Бореш, старые волки, прошедшие с ним не один десяток стычек. Они ждали приказа, но Варен молчал. Он не мог оторвать взгляда от того, что открывалось внизу.

Долина Керчии была прекрасна.

Трава здесь росла не жёсткими, колючими пучками, как дома, а стелилась мягким, изумрудным ковром, усеянным россыпью полевых цветов. Синие головки цикория тянулись к солнцу, жёлтые огоньки лютиков горели в тени ив, а высокие стебли таволги с шапками белых соцветий покачивались на ветру, наполняя воздух терпким, медовым ароматом. Где-то в глубине этой зелени неутомимо стрекотали кузнечики, и этот монотонный, мирный звук казался Варену невероятно чуждым. Там, откуда он пришёл, единственным звуком летом был вой ветра, шорох сухой земли и изредка — тревожный крик птицы. А здесь сама природа дышала покоем, не ведая, что за тень нависла над этим раем.

Он вырос среди скал. Степь, где кочевало ханство, была суровой матерью — ветер, выжигающий лицо летом и ледяной зимой, серая трава, редкие колючки, небо, которое давило свинцом. Там не было этого буйства зелени, этой сочной, дышащей жизни.

А здесь... здесь земля была райским садом.

Варен перевел взгляд ниже, туда, где на берегу реки, у самой воды, возились дети.

Маленький мальчик, лет шести, с визгом носился по колена в воде, разбрызгивая сверкающие на солнце капли. Девочка постарше — может, лет восьми — смеялась и пыталась поймать его за рубаху, но он изворачивался и убегал. Рядом, на траве, сидела...

Девушка.

Варен замер.

Она устроилась на большом валуне, поджав под себя ноги, и что-то плела из полевых цветов — веноч, кажется. Солнце падало на её волосы, и они горели мягким золотом — не таким, как блеск драгоценных металлов в шатре отца, а живым, тёплым, настоящим. Ветерок играл прядями, выбившимися из косы. Она улыбалась, глядя на детей, и в этой улыбке было столько света, что у Варена перехватило дыхание.

Он сжал поводья так, что костяшки побелели.

— Господин? — подал голос Улер. — Что видно? Сколько их там?

Варен моргнул, заставляя себя вернуться в реальность.

— Три десятка домов, — ответил он ровно, будто во рту был песок. — Амбары с зерном у восточной околицы. Скотина за загонами. Мужиков с оружием... мало. Человек десять, не больше.

— Легкая добыча, — довольно крякнул Бореш. — Рейган будет доволен.

Рейган.

Имя брата полоснуло по сознанию, как нож. Варен представил, как завтра на этом берегу, где сейчас смеются дети и сидит девушка с золотыми волосами, будет кровь. Дым. Крики.

Он представил, как эта девушка смотрит на него — не с улыбкой, а с ужасом.
Его рука сжалась в кулак сама собой.

— Господин? — Улер насторожился, уловив напряжение.

— Возвращаемся, — бросил Варен, резко разворачивая коня. — Мы увидели. Всё.

Он ударил пятками лошадь и поскакал вниз с пригорка, не оглядываясь. Воины переглянулись, но промолчали и последовали за ним.

В лагере пахло дымом и жареным мясом. Воины ханства сидели у костров, точили клинки, перебрасывались грубыми шутками. Кто-то уже пил — впереди целая ночь.

Шатер Рейгана стоял в центре, самый большой, с развевающимся на ветру родовым стягом — черный волк на алом поле.

Варен спешил, бросил поводья подбежавшему мальчишке-конюху и вошел внутрь, не докладываясь.

Рейган сидел на ворохе подушек, лениво потягивая вино из серебряного кубка. Он был красив — все говорили это, даже враги. Высокий, статный, с хищными чертами лица и холодными глазами, в которых никогда не мелькало ничего, кроме сытой самоуверенности. Одежда его была богаче, чем требовал поход — тонкое сукно, золотое шитье, перстни на пальцах.

Он поднял взгляд на брата и лениво улыбнулся.

— Ну? Что там, Варен? Будет чем поживиться?

Варен подошел к столу, развернул карту, набросанную на грубой коже.

— Три десятка домов. Зерно, скот. Защиты почти нет. Мужики с вилами против наших мечей не воины.

— Когда лучше?

— Ближе к полуночи. Луна будет за тучами, стража устанет. Зайдем с двух сторон — и через час всё кончится.

Рейган слушал, прихлебывая вино. Потом отставил кубок, поднялся, подошел к брату и с размаху хлопнул его по плечу. Сильно, почти дружески.

— Молодец. Я в тебе не ошибся, брат.

Варен взглянул на него.

В этом хлопке не было тепла. В этих словах не было братской любви. Рейган просто похлопывал свою собственность — послушного пса, который хорошо ищет добычу.

— Я распоряджусь, чтобы воины были готовы, — сухо сказал Варен. — Я пойду спать.

— Иди, — Рейган махнул рукой и уже отвернулся к кубку. — Отдохни. Завтра ночь будет долгой.

Варен вышел.

Свежий воздух ударил в лицо, но не принес облегчения. Воин быстро пересек лагерь, не глядя по сторонам, и нырнул в свой шатер.

Здесь было тихо. Темно. Только узкая полоска закатного света пробивалась сквозь щель у входа.

Варен опустил на жесткое ложе, закрыл глаза.

И снова увидел её.

Девушку на валуне. Золото волос. Улыбку, обращенную к детям. Венок из полевых цветов, который она плела, не зная, что завтра эти цветы зальет кровь.

Он сжал кулак так, что ногти впились в ладонь.

Зачем ты думаешь об этом? — спросил он себя. — Ты воин. Ты сын хана Тариша. Твоя рука не должна дрожать.

Но рука дрожала.

Он ненавидел эту жизнь. Ненавидел отца, который сделал его убийцей. Ненавидел брата, который наслаждался этим. Ненавидел себя за то, что не мог ничего изменить.

А завтра он снова пойдет убивать.

И та девушка с золотыми волосами будет смотреть на него с ужасом.

Варен стиснул зубы, откинулся на спину и уставился в темный потолок шатра.

Глава 2. Идиллия

Вечер опускался на Керчию мягко, как рука матери на лоб уснувшего ребенка.

Солнце уже почти скрылось за холмами, но последние лучи ещё золотили верхушки ив, склоненные над рекой. Воздух был напоён запахами — тёплой земли, свежескошенной травы и... хлеба.

Эния сидела за кухонным столом, поджав под себя ногу, и слушала отца вполуха. Она очень устала за день — помогала матери управляться по хозяйству, таскала воду из реки, собирала травы — и теперь просто наслаждалась покоем.

— ...а староста из Соренки говорит: «Лука, ты бы придержал коней, не то весь урожай сгноишь в амбарах!» — Отец, старейшина Лука, смеялся, рассказывая, как проходила ярмарка. — А я ему: «У меня кони умные, они знают, когда зерно сухое, а когда сырое!»

Мать, Милана, стояла у печи и ловко управлялась с хлебом. Её руки — вечно в муке, вечно в работе — двигались с той особенной грацией, которая бывает только у женщин, всю жизнь проживших в ладу с домом и семьёй. Она поглядывала на мужа с ласковой усмешкой и изредка качала головой.

— Ты бы, Лука, поменьше с соседями спорил, — сказала она, ставя на стол свежий, ещё дышащий жаром каравай. — Лучше скажи, сколько за пшеницу выручили.

— А, — отец махнул рукой, но в глазах блеснуло довольство. — Хватит. И на новую крышу, и Лике на обновки.

Ли́ка была его племянницей, дочерью погибшего брата. После смерти родителей она жила у них — шустрая восьмилетняя девчушка, которую все в деревне баловали. Сейчас она, наверное, носилась где-то у реки с соседскими ребятами.

Эния улыбнулась, отломив кусочек хлеба и сунула в рот. Горячий, мягкий, с хрустящей корочкой — лучше ничего на свете не было.

— А ты чего сидишь? — мать шутливо шлёпнула её полотенцем. — Иди Лику позови, ужинать пора.

Эния со вздохом поднялась. Ноги гудели, но отказывать матери было невозможно.

Она вышла во двор.

Эния огляделась, ища глазами Лику — та обычно носилась с соседским мальчишкой, но сейчас берег был пуст. Наверное, уже убежала домой другой дорогой.

Вечер был тихий, тёплый. Где-то вдалеке мычали коровы, возвращающиеся с пастбища. Пахло дымом из труб — соседи тоже начинали готовить ужин. Небо на западе горело розовым и золотым.

Эния сделала шаг к калитке.

И замерла.

С востока, со стороны холмов, над лесом поднимался дым.

Не одинокий, мирный дымок от костра — нет. Чёрный, густой, зловещий. Он валил клубами, закрывая закатное небо.

А потом она услышала звук.

Топот.

Сотни копыт.

Эния не успела ничего сказать. Не успела закричать.

Они ворвались в деревню, как сель — как камнепад с гор, как сама смерть.

Всадники в чёрном, с горящими факелами, с криками, от которых кровь стыла в жилах. Первые дома уже горели — факелы летели на соломенные крыши, и те вспыхивали мгновенно, как сухой мох.

— Мама! — закричала Эния, бросаясь обратно в дом.

Она влетела в кухню, когда дверь слетела с петель от удара снаружи.

Воины ворвались внутрь.

Отец вскочил, заслоня собой мать и Энию. В его руке блеснул нож — маленький, кухонный, бесполезный против закалённой стали.

— Не трогайте их! — крикнул он.

В проёме двери появился всадник.

Он спешил и вошёл в дом, как входят в собственный шатер — уверенно, нагло, не глядя по сторонам. Высокий, красивый, в богатой одежде, с хищной улыбкой на губах.

Рейган.

Он посмотрел на отца Энии, на её мать, на неё саму — и улыбнулся шире.

— Хороший дом, — сказал он. — Жаль, сгорит.

Отец шагнул вперёд, заслоня семью.

Рейган даже не вытащил меч. Он просто ударил.

Коротко, хлёстко, со вкусом.

Клинок вошёл отцу в грудь и вышел из спины.

Эния закричала. Она хотела броситься к нему, но мать вцепилась в неё мёртвой хваткой, оттаскивая назад, к задней двери.

— Беги! — зашипела мать ей в ухо. — Беги, доченька, беги!

Отец осел на пол, глядя на них мутнеющими глазами. Его губы шевелились, но слов уже не было — только кровь.

Рейган перешагнул через тело и двинулся к ним.

Мать схватила с печи раскалённый кателок — тот самый, в котором только что пекся хлеб — и швырнула в него. Кипяток брызнул в лицо Рейгану, он отшатнулся, взыв от боли и ярости.

— Беги! — последний крик матери.

Эния рванула дверь и вылетела во двор.

Она бежала, не разбирая дороги, спотыкаясь, падая, поднимаясь. В ушах гудело, в глазах темнело, но она бежала.

А потом услышала крик матери.

Короткий. Обрубленный. Страшный.

Эния обернулась на бегу.

Мать стояла у задней двери — видение, которое врезалось в память навсегда. Она упала на колени во дворе, а над ней стоял Рейган. Он уже не улыбался. Его лицо было перекошено от ярости, на щеке горел красный ожог.

Он занёс меч.

И ударил.

Мать упала лицом в землю.

Рейган повернул голову и посмотрел прямо на Энию. Их взгляды встретились.

— Ловите её! — заорал он. — Живьём!

Эния побежала.

Ветки хлестали по лицу, ноги проваливались в мягкую землю, но она бежала. К реке. К лесу. К спасению.

Она не видела, как сбоку, из темноты, вынырнул всадник на чёрном коне. Не слышала топота. Не чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Её сбили с ног одним ударом — плашмя, чтобы не убить, а оглушить.

Эния упала, ударилась головой о корень и потеряла сознание.

А над ней, в седле, замер Варен.

Он смотрел на неё — на золотые волосы, испачканные грязью и кровью, на разбитую губу, на безжизненное лицо — и не мог пошевелиться.

Та самая девушка.
С венком.
С улыбкой.
Теперь она лежала у его ног, как сломанная кукла.
— Бери её! — донёлся издали голос Рейгана. — Тащи в лагерь!
Варен медленно спешил.
Поднял её на руки.
Лёгкая. Тёплая. Живая.
Он понёс её к лошади, чувствуя, как внутри разрывается что-то важное. То, что он пытался спрятать глубоко. То, чему не было места в его жизни.
Над Кречью поднималось зарево пожаров.
Деревни больше не было.

Глава 3. Сломанная игрушка

Эния проваливалась в темноту.

Иногда ей казалось, что она слышит голоса. Чей-то плач. Шорох травы. Иногда — чувствовала прикосновения к лицу, прохладную ткань на лбу, горькое пойло, которое вливали в рот.

Но большую часть времени была только тьма. Тяжёлая, вязкая, похожая на болотную жижу.

— ...второй день... не приходит в себя...

— ...рана на голове... если очнётся...

— ...а Лика? Лику кто-нибудь видел?!

Голос тёти Мариши прорвался сквозь пелену, как крик чайки сквозь туман.

Эния рванулась к нему, пытаясь открыть глаза. Веки были свинцовыми, неподъёмными.

— Лика... — прошептали её губы. — Где Лика?

— Тише, тише, девочка моя, — тёплые ладони легли ей на лицо. — Лежи, не двигайся.

— Лика где? — Эния снова провалилась в темноту, но перед этим успела увидеть лицо тёти — заплаканное, измученное, испуганное.

И рядом — никого.

Лики не было.

Очнулась Эния от холода.

Он пробирался под кожу, заставляя мышцы сводить судорогой. Она попыталась пошевелиться и поняла, что лежит на чём-то жёстком, почти голым телом прижимаясь к мёрзлой земле.

Где она?

Эния с трудом разлепила веки.

Первое, что она ощутила, придя в себя в шатре Рейгана, был запах. Это был не просто запах пота и дыма, к которому она позже привыкнет. Это был густой, пряный аромат восточных благовоний, смешанный с тяжелым духом немых тел, винных паров и жареного мяса. Глаза её, привыкнув к полумраку, различили роскошь, дикую и безвкусную для жителя Керчии. Пол был застлан не простыми кошмами, а настоящими персидскими коврами — мягкими, с причудливым узором, по которым было неловко ступать грязными сапогами. По стенам, на кольях, висело дорогое оружие: не простые мечи, а булатные клинки с рукоятями, инкрустированными самоцветами, и кривые сабли в ножнах из тиснёной кожи.

Она попыталась сесть и услышала лязг.

Цепь.

Тяжёлая, железная, она охватывала её лодыжку и уходила куда-то в темноту, к вбитому в землю колу.

Эния замерла, глядя на эту цепь, не в силах поверить.

— Очнулась?

Голос заставил её вздрогнуть.

Рейган сидел в кресле в дальнем углу шатра. Половина его лица была закрыта повязкой — там, куда мать Энии плеснула кипятком. Глаза — холодные, насмешливые — смотрели на неё, как на диковинного зверька.

— Сколько можно ждать, — лениво протянул он, поднимаясь. — Я уж думал, ты вообще не очнёшься. И какая была бы мне забава...

Он подошёл ближе. Эния вжалась спиной в землю, пытаясь отползти, но цепь натянулась, не пуская дальше.

Рейган опустил на корточки рядом с ней. Протянул руку, взял её за подбородок, заставляя смотреть в глаза.

— Красивая, — сказал он задумчиво. — Даже грязная и побитая — красивая. Мать твоя мне чуть глаз не выжгла. Но ты... ты будешь теперь моей игрушкой. Личной. Поняла?

Эния смотрела на него и чувствовала, как по щекам катятся слёзы.

Не от страха. От ненависти.

— Ненавижу, — прошептала она. — Ненавижу тебя.

Рейган улыбнулся. Широко, довольно, будто она сказала ему самый лучший комплимент.

— О, как хорошо, — выдохнул он. — Со сломанными куклами скучно. А с такими, как ты... интересно.

Он схватил её за волосы и швырнул на кровать — ворох шкур и подушек в углу шатра.

Эния закричала, забилась, пытаясь вырваться. Рейган навалился сверху, прижимая её к шкурам. Его руки рвали одежду — тонкую ткань, в которую её переделали, пока она была без сознания.

— Не смей! — закричала она. — Не трогай меня, тварь!

Он засмеялся и потянулся к её губам. Поцелуй был грубым, влажным, отвратительным. Эния забилась сильнее, извиваясь под ним, и вдруг, почувствовав под пальцами его лицо, вцепилась ногтями в большую щеку — туда, под повязку, где кожа ещё горела после ожога.

Рейган заорал.

Не человеческим криком — звериным, полным боли и ярости. Он отшатнулся, схватившись за лицо, а потом его глаза налились кровью.

— Убью!

Удар обрушился на неё, как падающее дерево.

Эния отлетела к стене шатра, ударилась головой, и мир снова поплыл. Но Рейган не остановился. Он бил её — по лицу, по телу, по чему попало, не разбирая, не жалея, не думая.

Она уже не кричала. Только всхлипывала, сворачиваясь в клубок, закрывая голову руками.

— Будешь знать, как кусаться, мразь! — рычал он. — Будешь знать!

А потом — рывок.

Рейган схватил её за цепь, за лодыжку, и поволок к выходу из шатра, как мешок с зерном. Пол был холодным, острые камешки врезались в спину, но Эния уже почти ничего не чувствовала.

— Добью быстро, пока я добрый! — рявкнул Рейган, вышвыривая её наружу.

Она упала лицом в холодную грязь, прямо у входа в шатёр, на виду у проходящих воинов. Те шарахались, отводили глаза. Никто не смел вмешиваться.

Эния лежала, прижимаясь щекой к мёрзлой земле, и думала только об одном: «Пусть умру. Пожалуйста, пусть я умру».

— Рейган!

Голос прозвучал откуда-то сбоку — резкий, злой, непохожий на те голоса, что она слышала раньше.

Тяжёлые шаги приблизились. Кто-то опустил рядом с ней на колено.

— Ты что творишь?! — тот же голос, теперь ближе.

— А что такого? — лениво отозвался Рейган из шатра. — Игрушка сломалась. Выбросил.

— Она же...

— Она моя, брат. Что хочу, то и делаю. Или ты забыл, кто тут старший?

Эния попыталась поднять голову. Сквозь пелену боли и слёз она увидела лицо.

Другое. Не такое, как у Рейгана. Жёстче, мрачнее, но в глазах — не холод, а что-то другое. Боль? Ярость? Она не могла понять.

Варен смотрел на неё — на окровавленное лицо, на разорванную одежду, на цепь, всё ещё болтающуюся на ноге — и его рука сжималась в кулак.

— Забери, — вдруг сказал Рейган из шатра. В его голосе звучала насмешка. — Ты же всегда подбирал мои сломанные игрушки, Варен. Помнишь? Того щенка? Эту... забирай. Дарю.

Варен медленно поднялся.

Он стоял над Энией, и она видела, как ходят желваки на его скулах, как побелели костяшки сжатых кулаков.

— Забирай, я сказал! — донёлся смех Рейгана. — Веселись, брат. Ей недолго осталось. Но она вся твоя.

Варен наклонился.

Осторожно, будто она была сделана из стекла, он поднял её на руки. Эния застонала от боли, но он прижал её к себе крепче, пытаясь не причинять лишних страданий.

— Тише, — сказал он тихо. — Тише. Я отнесу тебя.

Она попыталась посмотреть на него, но в глазах темнело.

Последнее, что она увидела перед тем, как потерять сознание — его лицо. Напряжённое, злое, но... не жестокое.

А потом была только темнота.

Глава 4. Жить

Эния снова проваливалась в темноту.

Иногда сквозь сон она слышала голоса, чувствовала прикосновения к лицу, ощущала, как в рот вливают горькое пойло. Кто-то мыл её, перевязывал, менял тряпки на ранах. Кто-то сидел рядом и гладил по голове.

Но большую часть времени была только боль.

Она разливалась по всему телу — тягучая, пульсирующая, не отпускающая ни на минуту. Эния проваливалась в обморок, выныривала и снова проваливалась, не в силах разлепить веки, не в силах пошевелиться.

Сколько это длилось — день? Два? Неделю? — она не знала.

— Эния... Эния, пожалуйста...

Голос пробился сквозь пелену, как первый луч солнца после долгой ночи.

Тонкий, детский, дрожащий от слёз.

— Пожалуйста, очнись... не умирай...

Эния с трудом разлепила веки.

Над ней склонилась Лика.

Восьмилетняя девчушка была бледной, испуганной, по щекам текли слёзы. Она гладила Энию по лицу маленькой ладошкой и всхлипывала, размазывая слёзы по щекам.

— Лика... — прошептала Эния.

Губы пересохли, горло саднило, каждое слово давалось с трудом. Но она сказала это. Она позвала её.

— Сестричка! — Лика всхлинула громче и прижалась к ней, обхватив за шею худенькими ручонками. — Ты жива! Ты жива!

Эния зашипела от боли — каждое прикосновение отдавалось во всём теле — но не оттолкнула девочку. Наоборот, с трудом подняла руку и погладила её по голове.

Жива. Она жива.

И Лика жива.

Эта мысль пробилась сквозь боль, сквозь отчаяние, сквозь тьму. Эния вдруг поняла: если она умрёт, Лика останется одна. В этом аду. Среди этих зверей.

Нет.

Она сжала зубы.

Она должна выжить.

На следующий день (или через день — Эния потеряла счёт времени) в шатёр вошла Мариша.

Тётя выглядела измождённой — под глазами залегли тени, лицо осунулось, руки дрожали. Но она улыбнулась, увидев, что Эния открыла глаза.

— Девочка моя, — выдохнула она, опускаясь рядом. — Ты очнулась. Слава богам, ты очнулась.

— Лика... — прошептала Эния. — Где...

— Здесь она, здесь, — Мариша погладила её по руке. — Спит в углу. Я ей дала отвар, чтобы уснула. Она трое суток не спала, всё возле тебя сидела.

Эния попыталась сесть и застонала от боли. Всё тело было одним сплошным синяком — багровым, жёлтым, чёрным. Рука, кажется, сломана или сильно повреждена — она висела плетью и не слушалась.

— Лежи, лежи, — Мариша осторожно уложила её обратно. — Не двигайся. Тебе нужно есть.

Она поднесла к губам Энии миску с тёплым бульоном. Эния пила жадно, чувствуя, как тепло разливается по телу, как возвращаются силы. Мариша поила её водой, вытирала пот со лба, и всё это время говорила.

— Варен, младший брат... тот, что тебя принёс... он Лику нашёл. В лесу, за деревней. Она спряталась в кустах, когда началось... просидела там сутки, боялась выйти. А он её нашёл. И принёс сюда. К себе в шатёр.

Здесь всё было иначе. Сурово и бедно. Никаких ковров на полу — только плотный войлок, защищавший от сырости. Вместо гор оружия на стенах висел один-единственный меч, простой и надёжный, да лук в кожаном чехле. В углу стоял походный сундук, обитый железными полосами, — всё имущество хозяина. Единственным украшением шатра была волчья шкура, брошенная на лежанку вместо покрывала. Огромный, с седой холкой зверь, убитый, видимо, самим хозяином, скалил жёлтые клыки в вечном оскале. Здесь пахло кожей, конским потом и чистым, холодным воздухом, который проникал сквозь незакрытый полог. Это было жилище не вельможи, а воина.

Эния замерла, забыв про бульон.

— Что?

— Никого не подпускал к ней, — продолжала Мариша. — Сам кормил, сам поил. Воины его спрашивали, зачем ему девчонка, а он только рычал на них. И велел мне за ней смотреть. Сказал: «Будешь лечить её — будешь смотреть и за девчонкой». Вот я и смотрю.

— А где она была все эти дни? — спросила Эния.

— У меня, — Мариша устало улыбулась. — Варен велел держать её в моей палатке. Сказал: «Чтоб никто не трогал». Сам проверял каждое утро, заходил, смотрел. Лица сначала боялась, плакала, а потом привыкла. Говорит, он даже леденец ей принёс однажды.

Эния молчала, переваривая услышанное.

Варен. Тот, кто её поймал. Тот, кто нёс её на руках. Тот, кто забрал у брата, как сломанную игрушку.

Он спрятал Лику. Он защитил её. Леденец принёс.

Зачем?

— Они пока стоят на месте, — тихо говорила Мариша. — Отряды ходят в разведку. Хотят напасть на Гревень. Это город за лесом, дня три пути. Но он укреплён, стены каменные, просто так не возьмёшь. Они ищут подход, слабые места.

Гревень.

Эния знала этот город. Там жили купцы, там была стража. Если удастся добраться до города, можно рассчитывать на защиту.

Она посмотрела на Маришу. В её глазах загорелся огонь.

— Тётя, — прошептала она. — Вы должны бежать.

Мариша замерла.

— Что?

— В Гревень. Предупредить их. Если они узнают, что варвары готовят нападение... если успеют подготовиться... это задержит их. Даст время. А если повезёт, может, и остановит.

Мариша смотрела на неё с ужасом.

— А ты?

— Меня уже не спасти, — хрипло сказала Эния. — Посмотри на меня. Я не дойду. Я даже встать не могу. А вы... ты и Лика... у вас есть шанс.

— Нет! — Мариша схватила её за руку. — Я не оставлю тебя!

— Тётя, послушай, — Эния говорила, задыхаясь, но в голосе её звучала такая сила, что Мариша замолчала. — Если вы останетесь, мы все погибнем. И я, и ты, и Лика. А если ты доберёшься до Гревеня, если предупредишь... может, хоть кто-то выживет. Может, вы отомстите за нас.

Она сжала руку тёти.

— Забери Лику и беги. Ночью, пока они пьют и спят. Я... я задержусь здесь. Буду притворяться, что ничего не знаю. А ты беги. Ради неё. Ради Лики.

Мариша смотрела на неё, и по щекам её текли слёзы.

— Эния...

— Обещай мне, — прошептала Эния. — Обещай, что сделаешь это.

Мариша молчала долгую минуту. Потом кивнула.

— Обещаю.

Эния закрыла глаза. Силы покидали её, боль накатывала волнами, унося в темноту.

Но она знала: теперь у неё есть цель.

Выжить. Дать им время. Помочь бежать.

А потом...

Потом она придумает, как отомстить.

Глава 5. Выждать

Утром в шатёр вошёл незнакомый старик.

Сгорбленный, седой, с руками, похожими на корни старого дерева — узловатыми, но крепкими. Он нёс кожаный мешок, из которого торчали какие-то инструменты.

Варен зашел на ним следом и остановился у входа, скрестив руки на груди.

— Это Хорун, — сказал он коротко. — Лучший костоправ в ханстве. Он посмотрит твою руку.

Эния сжалась, но промолчала.

Старик подошёл, бесцеремонно откинул одеяло и взял её за запястье. Пальцы у него были холодные, но уверенные. Он ошупывал руку медленно, методично, нажимая то тут, то там.

Эния стиснула зубы.

Боль была дикой — казалось, раскалённые иглы впиваются в плечо, в локоть, в каждую косточку. Она закусила губу до крови, вцепилась здоровой рукой в край лежанки, но не издала ни звука.

Старик хмыкнул.

— Перелом, — сказал он буднично. — Со смещением. Надо править.

Он достал из мешка какие-то ремни, деревянные пластины.

— Держите её, — бросил он Варену.

Варен шагнул вперёд, опустился на колени рядом с лежанкой и положил тяжёлые ладони ей на плечи. Не больно, но крепко — чтобы не дёргалась.

— Смотри на меня, — сказал он тихо.

Эния подняла глаза.

Он смотрел на неё в упор. Тёмные глаза, глубокие, как ночное небо над степью. В них не было жалости. Не было тепла. Но было что-то другое — то, чему она не могла подобрать названия.

Старик дёрнул руку.

Эния закричала бы, если бы могла. Но вместо крика из горла вырвался только хриплый, сдавленный стон. В глазах потемнело, по щекам брызнули слёзы — непроизвольно, от дикой, нечеловеческой боли.

Но она не закричала.

Не закричала.

Старик закончил возиться с рукой, наложил лубки, перевязал чистой тканью.

— Готово, — сказал он, поднимаясь. — Неделю не двигать. Потом потихоньку разрабатывать.

Он посмотрел на Энию. В его выцветших глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Крепкая девка, — бросил он Варену. — Не пикнула. Редкость в этом племени.

Варен ничего не ответил. Только кивнул, отпуская её плечи, и поднялся.

Эния обессиленно откинулась на лежанку, чувствуя, как по всему телу разливается противная, липкая слабость. Но внутри, глубоко, горел маленький огонёк гордости.

Она не сломалась. Не перед ними.

Вечером в шатёр заглянул Рейган.

Эния спала — или делала вид, что спит. Она научилась этому за последние дни — притворяться мёртвой, когда рядом проходили чужие.

— Ну что, брат, — голос Рейгана вплыл в полумрак, ленивый, насмешливый. — Выхаживаешь свою побитую зверушку?

Эния чуть приоткрыла глаза, сквозь ресницы наблюдая за происходящим.

Рейган стоял у входа. Повязки на лице уже не было — ожог заживал, стягивая кожу розовым неровным рубцом. Это делало его красивое лицо почти страшным — асимметричным, хищным, пугающим.

Варен сидел у стола, при свете масляного светильника рассматривая какие-то карты. Он даже не поднял головы.

— Ты что-то хотел?

— Хотел посмотреть, — Рейган шагнул ближе к лежанке, и Эния заставила себя дышать ровно, не дрожать. — Полюбоваться.

Он смотрел на неё долго, тяжело. Эния чувствовала этот взгляд даже сквозь закрытые веки — липкий, мерзкий, раздевающий.

— Добрая псина, — сказал он наконец. — Только смотри, брат. Она откусит тебе руку. Помяни моё слово.

Варен поднял голову.

— Я сказал — разберусь сам.

— Разберёшься, — усмехнулся Рейган. — Ты всегда такой добрый. С теми, кого я выбрасываю.

Он помолчал, потом резко сменил тему:

— Что по Гревеню?

Варен развернул карту, пододвинул светильник.

— Стены высокие. Камень. Ворота кованые, тараном не взять. Стражи там — сотни три, не меньше. Наших — пять сотен. Не хватит.

— А если ударить с двух сторон?

— Всё равно не хватит. Они засядут за стенами и будут отстреливаться. Потеряем людей, а город не возьмём.

Рейган выругался сквозь зубы.

— Сколько нужно времени?

— Две недели. Может, три. Разведка, поиск слабых мест. Потом приедет отец на совет.

Он решит, какое подкрепление дать и когда бить.

— Две недели сидеть в заднице, — Рейган сплюнул на пол. — Ладно. Ждём.

Он бросил последний взгляд на лежанку, где лежала Эния.

— Смотри за своей шавкой, брат. А то ещё укусит.

И вышел.

Варен проводил его взглядом, потом перевёл глаза на Энию.

Она замерла, боясь дышать.

Он смотрел долго. Потом отвернулся обратно к картам.

Эния выдохнула.

Две недели.

У неё есть две недели, чтобы найти момент для побега.

Глава 6. Оттепель

Прошло три дня.

Эния уже могла вставать.

Сначала просто садилась на лежанке, опираясь здоровой рукой. Потом, держась за стену шатра, делала несколько шагов. Ноги дрожали, в глазах темнело, но она заставляла себя двигаться.

Надо быть сильной. Надо выздороветь. Ради Лики.

Варен наблюдал за ней молча.

Он почти не разговаривал. Входил, садился за стол, читал карты, иногда выходил. Когда Эния подавала ему еду — молча ставила миску рядом, отходила. Он ел, не глядя на неё. Когда она забирала пустую посуду — так же молча.

Однажды она увидела в углу шатра его рубаху — порванную, с распоротым швом на плече.

Не знаю, зачем она это сделала.

Наверное, просто чтобы занять руки. Чтобы не думать о том, что Лика может заболеть. Что Мариша плачет по ночам. Что Варен смотрит на неё непонятно — и от этого взгляда внутри всё переворачивается.

Она взяла рубаху, нашла нитки — у Мариши были, она носила с собой маленький походный набор — и принялась штопать.

Пальцы слушались плохо. Левая рука всё ещё болела и почти не двигалась. Но она справилась. Шов получился кривоватым, но крепким.

Вечером, когда Варен вернулся, она молча положила рубаху на край стола.

Он замер. Взял рубаху, посмотрел на шов. Потом перевёл взгляд на неё.

— Зачем?

Голос у него был низкий, хриплый. Она слышала его так близко впервые.

Эния пожала плечами.

— Ты не трогаешь меня. Не бьёшь. Не позволяешь брату... — она запнулась. — Это мало. Но это всё, что я могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.